



# Часть I

---







# 1

Ноябрь 1978 — Вунгтхэм, Вьетнам

---

Прощания и вылавливание трупов случились на самом деле, все остальное — лишь домыслы.

В последующие годы Тхи Ань позволяла страшным воспоминаниям о лодке и лагере сочиться из нее до тех пор, пока они не превратились в шепот. Но за последний вечер она держалась всеми силами: от запаха риса на кухне до ощущения кожи матери, когда она обняла ее в последний раз.

Она помнила, как мама готовила ее любимое блюдо — тушеную свинину в карамели и яйца, запекая Tous Les Garçons et Les Filles Франсуазы Арди. И хотя французы ушли из Вьетнама двадцать пять лет назад, их музыка осталась, мелодии йе-йе<sup>1</sup> звучали во всех домах деревни Вунгтхэм.

Ань собирала рюкзак в соседней комнате, обдумывая, что взять, а что оставить.

---

<sup>1</sup> Йе-йе — стиль музыки, который сложился во Франции в 1960-х, название дано по английскому yes. (Прим. ред.)

## Сесиль Пин

— Лучше езжай налегке, — посоветовал ей отец. — В лодке будет тесно.

Она прижала к груди школьную форму, плиссированную юбку и белую рубашку, из которой она в свои шестнадцать уже выросла, рукава были коротковаты, и сложила в рюкзак.

Ее братья Тхань и Минь занимались тем же самым в комнате напротив: по кафельному полу были разбросаны их вещи, и до нее доносились споры. У мальчиков был один рюкзак на двоих, и Тхань настаивал, что поскольку его одежда немного меньше в размере, ведь ему десять лет, а Миню — тринадцать, то старший брат должен взять меньше вещей.

— Твоя одежда занимает слишком много места. Будет честно, если я возьму больше, чем ты. — Мама отправилась в их комнату, чтобы выяснить причину шума, и запах карамелизированной свинины последовал за ней. Пока Тхань объяснял проблему, его голос становился все тише: раздраженный вид матери заглушил его пустяковое беспокойство. — Извини, — пробормотал он, и Минь бросил на него торжествующий взгляд. — Это совсем не важно.

Двери в комнату были приоткрыты, и Ань заметила младшего брата Дао, наблюдавшего за ссорой с края своей футоновой кровати. Он был в огромной футболке, доставшейся ему от Тханя, и беспокойно теребил в руках одеяло. Ань знала, как он не любит, когда братья ссорятся: боялся, что придется выбирать сторону и злить одного из них. Именно о Дао Ань беспокоилась больше всех. Она беспокоилась о его жизни в Америке, о том, что из-за застенчивости ему будет сложно

## Блуждающие души

найти друзей. Последние несколько месяцев она пыталась пробиться сквозь его броню, уговаривая поиграть в джан би или джан дао<sup>1</sup> с деревенскими детьми у баньянового дерева. «Только не это, пожалуйста, — отвечал он, выглядывая из-за ее спины. — Я лучше побуду с тобой».

Мама стащила его с кровати, он протянул руки и ухватился за нее.

— Пойдем, Дао, — сказала она, подняв его. — Твоим братьям нужно закончить сборы. — Они вышли из спальни мальчиков, и, проходя мимо Ань, мама спросила: — Ты готова? Мне бы не помешала твоя помощь с ужином.

— Да, Ма, — ответила Ань и принялась набивать рюкзак оставшимися вещами, разложенными на кровати.

После чего она последовала за ними на кухню, и мама выпустила Дао из своих объятий.

— Можно я тоже помогу? — спросил он.

Мама аккуратно убрала ему волосы со лба:

— Нет, сегодня у нас нет заданий для маленьких мальчиков. Можешь посидеть с отцом в гостиной.

Дао разочарованно кивнул и, глянув на Ань своими огромными глазами, отправился в гостиную. Ань догадывалась, что мама хотела побыть с ней наедине, чтобы потом бережно хранить в памяти это мгновение со старшей дочерью перед ее отъездом.

Ее самый младший брат Хоанг спал в своей кроватке, убаюканный ритмичными звуками маминной возни на кухне, звоном сковородок и шипе-

---

<sup>1</sup> *Đánh bi* или *Đánh đáo* — игра в стеклянные шарики, в такие играли в сериале «Игра в кальмара». (Прим. пер.)

## Сесиль Пин

нием масла. Ань помешивала свинину, пока мама дрожащими руками шинковала квашеную капусту. Они как будто разыгрывали сцену: обычный вечер в середине недели, кухня — подмости, а кастрюли и сковородки — реквизит. Перемещаясь по небольшому пространству, они избегали взглядов друг друга, их привычный разговор свелся к редким наставлениям: «Проверь, чтобы на дне сковороды ничего не осталось» или «Добавь немного рыбного соуса нызэк чэм»<sup>1</sup>. Несколько раз Ань замечала, как мама разжимала губы, чтобы что-то сказать, словно пыталась выпустить наружу мысль, которая тяготила ее, но вырывались только вздохи.

Младшие сестры Май и Вэн накрывали на стол, осторожно стараясь удержать стопки пиал и тарелок в своих маленьких ручках, их длинные волосы развевались за спиной, шлепание босых ног было едва слышно. При этом девочки проверяли друг у друга школьные уроки.

— Четырежды четыре — шестнадцать; четырежды пять — двадцать; четырежды шесть — двадцать четыре, — повторяли они нараспев, и когда одна из них ошибалась, другая отчитывала ее за это. — *Двадцать восемь*, а не двадцать шесть, — поправила Вэн свою сестру по пути на кухню.

От сковороды поднимался пар, и Ань раскладывала свинину по тарелкам, вручая каждой из сестер по порции. Им нравилось подавать еду к столу, потому что удавалось урвать несколько кусочков, но

---

<sup>1</sup> *Nước chấm* — традиционный рыбный соус. (Прим. пер.)

## Блуждающие души

их вечно выдавали крошки на их белых жилетах. Конечно, стоило им скрыться из виду, как до Ань донесли слова Май:

— Слишком большой кусок, — на что Вэн лишь шикнула в ответ.

В глубине гостиной отец, сгорбившись, сидел у домашнего алтаря, пока Дао внимательно наблюдал за ним с потертого кожаного дивана. Алтарь был украшен фотографиями в рамках — бабушек и дедушек. Родители отца с суровым видом смотрели в объектив камеры, в руках — новорожденный Вэн, за спиной — их дом. На заднем плане по сухой и темной земле Вунгтхэма бродила соседская курица, на веревке между окном кухни и близлежащей пальмой сушилось белье. Ба ноай<sup>1</sup> позировала у вычурной лестницы на свадьбе своей дочери, в туфлях на небольшом каблуке, волосы собраны в пучок. Он ноай<sup>2</sup> на портрете крупным планом напоминал состарившуюся голливудскую звезду — с белоснежными зубами и легкой сединой. За последние три года, после падения Сайгона и отъезда последних солдат в Америку, все бабушки и дедушки умерли друг за другом — их унесло, как порыв ветра уносит увядающую листву. К тому времени они были старыми и изможденными, и их смерть никого не удивила. Но стремительность, с которой все произошло, заставило Ань задуматься, не повлияла ли на это война, может ли надежда быть источником жизни, а ее исчезновение — предвестником смерти?

---

<sup>1</sup> Bà ngoại — бабушка по материнской линии. (Прим. пер.)

<sup>2</sup> Ông ngoại — дедушка по материнской линии. (Прим. пер.)



## Сесиль Пин

Отец смахнул рукавом пыль с портрета своей матери и принялся осматривать рамку при свете свечи. Убедившись в ее чистоте, он аккуратно поставил ее рядом с другими и зажег благовония. Он молился с горящей палочкой в руках, и вскоре мама вышла из кухни, чтобы присоединиться к нему. Чиркнув спичкой, она зажгла благовония, и в их молитвах Ань могла разобрать свое имя вместе с именами Тханя и Миня и просьбу послать безопасное путешествие и спокойное море. Дао поднялся с дивана и, приблизившись к ним, потянул мать за рубашку.

— Можно мне тоже? — спросил он, и она отдала ему свою палочку с благовониями, для себя же зажгла новую.

Ань слышала, как его робкий голос слился с молитвой родителей, наблюдала, как они втроем стоят на коленях под пристальным взглядом предков. Через несколько минут отец поднялся и, всплеснув руками, произнес:

— Пора ужинать.

Ужин — его-то она запомнила. Лунный свет подсвечивал комнату мягким сиянием, пар от тушеной капусты сливался с благовониями. Из кровати доносилось сопение малыша Хоанга, и мама иногда проверяла, не проснулся ли он. За столом вместо привычного бурного смеха и шума царила угнетающая тишина. Подслеповатыми глазами отец каждые несколько минут смотрел на часы. Мать резала на мелкие кусочки мясо для Дао, упрекая его, что он до сих пор не научился пользоваться палочками для еды.

— Ты уже не маленький, — сказала она, и Дао стыдливо опустил голову.

## Блуждающие души

— Ничего страшного, — прошептал ему Тхань. — Иногда я тоже с трудом справляюсь с большими кусками мяса.

Май и Вэн, которые обычно наперебой щебетали о проведенном в школе дне, сегодня возили палочками по тарелкам, оставляя ужин недоеденным. Хотя они не совсем понимали, в чем дело, что-то в напряженных движениях родителей подсказывало им, что это необычный, мрачный вечер.

Чтобы нарушить тишину, Ань попросила отца напоследок повторить план, и Минь испустил стон:

— *Опять?* Мы уже знаем его наизусть. — И это было именно так. План простой, отец пересказывал его бесчисленное количество раз, и Ань твердила его каждый вечер перед сном, словно накануне экзамена. Сегодня вечером она, Тхань и Минь должны отправиться в Дананг, где их будет ждать лодка, чтобы отвезти в Гонконг.

— Там вам предстоит провести некоторое время в лагере для таких, как мы, — произнес отец, пока Дао пытался справиться со своими палочками для еды, но кусочки мяса выскальзывали на полпути между ртом и пиалой. Май и Вэн, поставив локти на стол, подперли головы ладонями: им уже приходилось слышать эту историю бесчисленное количество раз, и она им наскучила. Отец позаботился об оплате хозяину лодки: по двенадцать кусков золота за каждого. — Об этом вам не придется беспокоиться, — пояснил отец. — Мы присоединимся к вам в лагере через пару недель, и все вместе отправимся в Америку к дяде Наму, в *Нью-Хейвен*.

Ему всегда удавалось пересказать план без тени сомнения в голосе, и Ань терялась в догадках: скры-